

Иоанна Мяновска

"Дела давно ушедших дней..." : в контексте "Улицы генералов" Анатолия Гладилина

Studia Rossica Posnaniensia 37, 175-183

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

„ДЕЛА ДАВНО УШЕДШИХ ДНЕЙ...” В КОНТЕКСТЕ
УЛИЦЫ ГЕНЕРАЛОВ АНАТОЛИЯ ГЛАДИЛИНА

“MATTERS OF PAST DAYS...” IN THE CONTEXT
OF *THE STREET OF GENERALS* BY ANATOLY GLADILIN

ИОАННА МЯНОВСКА

ABSTRACT. In the article the artistic work and silhouette of a forgotten Russian emigrant, Anatoly Gladilin, are both researched. He was a representative of the third wave of Russian emigration and the author of *The Street of Generals*. In the so-called Soviet text the atmosphere of the 1960s, in which Anatoly Gladilin appeared as a writer, was reconstructed. Reflecting the historical and factual image of the 1960s generation, Gladilin recalls many authors who, as well as he, were forced to leave their homeland and to eat the bitter bread of exile.

Joanna Mianowska, Uniwersytet im. Kazimierza Wielkiego, Bydgoszcz – Polska.

Имя Анатолия Гладиллина сегодня известно лишь немногим, но оно прочно вошло во все энциклопедические издания и учебные пособия¹. Став эмигрантом в апреле 1976 года, а затем обозревателем парижского отделения вражеского тогда радио „Свобода” и сотрудником „Немецкой волны”, Гладиллин долгие годы был в забвении. Его книги изымались и запрещались, и лишь в октябре 1991 года он вновь увидел Москву. Столица в тот период удивила его „полным разгулом свободы”, ибо он помнил, как вспоминает, совсем „другое государство”. Работа на „Свободе” и в „Немецкой волне” не помешала в писательской деятельности автора *Хроники времен Виктора Подгурского*. В эмиграции Гладилиным были написаны крупные произведения *Репетиция в пяtnицу* (1977), *Большой боевой день* (1983) и затем *Французская Советская Социалистическая Республика* (1985), *Меня убил скотина Пелл* (1989), *Тень всадника* (2000) и, наконец, *Жулики, добро пожаловать в Париж* (2007) и *Улица генералов. Попытка мемуаров* (2008). В авторском предисловии к последней, Гладиллин пишет:

[...] писательское мастерство [...] в точности деталей, сложности характера, и прочее, и прочее. И лишь когда соблюдено все это прочее, произвольно возникает музыка. В общем, лишь в *Улице генералов* я нашел мою мелодию².

¹ См. *Русские писатели XX века. Биографический словарь*, гл. ред. и сост. П. Николаев, Москва 2000, с. 187–188.

² А. Г л а д и л и н, *Улица генералов. Попытка мемуаров*, Москва 2008, с. 8.

С этими словами стоит вполне согласиться, добавляя, что в книге *Улицы генералов* переплетается советский текст с эмигрантским, и сказанное тем самым обогащает и вносит в эту „попытку мемуаров” свои акценты и нюансы.

Стоит оговориться о заглавии нашего исследования. Начало *Улицы генералов* связано с воспоминаниями 12-летнего рассказчика, а концовка мемуаров, как вспоминает Гладилин,

[...] стоит под аксеновской сагой, которую мне пришлось переписать, я ввел необходимые хронологические добавления. А остальное в книге – это, будем так говорить – дела давно ушедших дней [...]³.

Советский текст в книге связан с воспроизведением атмосферы 60-х годов, времени, когда Гладилин входит в советскую литературу в качестве советского писателя. Автор *Улицы генералов* описывает события, образ жизни „Софьи Власьевны” (так названа у него советская власть), нравы, идеи и стиль эпохи. Напомним, что Михаил Эпштейн пытался расправиться с преимуществом и недостатками прямого свидетельства 70–80-х годов, расколдовывая советские архетипы, поставленные в исторический контекст⁴. Мир советского человека 60-х пытались расшифровать и эмигранты Петр Вайль и Александр Генис⁵.

Рассказчик в *Улице генералов* свою жизнь делит на две половинки, называя эмигрантскую „другой жизнью”⁶. В советской жизни Гладилин не показывает ни себя, ни других как мучеников. Эпитет „советский” входит в сферу различных понятий – „советский народ”, „советский человек”, „советский образ жизни”. С ними связана идеология и большое количество людей, составляющих идеологический аппарат. *Гомо советикус* подвергается воздействию идеологии с момента рождения до смерти. Советские газеты и журналы, Литинститут им. Горького и его творческие семинары, XX съезд КПСС, затем оттепель, советская элита (Екатерина Фурцева, Павел Сатюков, Алексей Аджубей, Валентин Катаев и другие) – это лицо эпохи, искажающее действительность, но и моделирующее ее. Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина, Юнна Мориц – их имена украшали страницы советских газет и журналов начала 1960-го года, но уже появлялись и другие, не менее яркие – Владимир Войнович, Василий Аксенов, Григорий Владимов, Борис Балтер, Виктор Конецкий, Глеб Семенов, Илья Крупник и др.⁷ Этот период Гладилин называет „лихое время”, когда „...после первых оттепельных свобод в литературе стали закручивать гайки,

³ См. И. К о р н е е в а, *Факультет на „Улице генералов”*, на сайте: <http://www.rg.ru/printable/2008/03/05gladilin.html> (10.11.2011).

⁴ См. М. Э п ш т е й н, *Великая Софья (серия Радуга мысли)*, Самара 2006.

⁵ См. П. В а й л ь, А. Г е н и с, *Родная речь. Советское барокко. 60-е. Мир советского человека. Собрание сочинений в 2-х томах*, т. 1, Екатеринбург 2003, с. 509–948.

⁶ А. Г л а д и л и н, указ. соч., с. 25.

⁷ Там же, с. 98.

а в Литинституте пошла «охота на ведьм»⁸. Начинались первые прозрения и констатация рассказчика следующая: „Никакого соцреализма не существует, это же бред собачий!”⁹. В ответ появляются слова Роберта Рождественского, любимца Литинститута, готового выслушать и помочь каждому: „Ты что, только сейчас до этого допер?”¹⁰.

Восстанавливая историческую и фактографическую картину поколения шестидесятников, Гладилин вспоминает Рождественского спустя годы на презентации книги о поэте *Удостоверение личности*. Внимания заслуживают вспоминаемые Гладилиным стихи Рождественского, написанные еще в 1952 году об „убийцах в белых халатах”, не напечатанные тогда, а лишь спустя годы вошедшие уже в посмертно изданную книгу¹¹. Гладилин высоко оценивает записные книжки Рождественского, в которых налицо характер надутых советских классиков, обласканных советской властью и сумевших вмиг превратиться в диссидентов и „прорабов перестройки”.

Гладилин пытается в своей книге мемуаров развенчать также миф о том, что у шестидесятников была легкая юность, деньги, возможность печататься и т.д. В этом отношении интересный материал представляют книги и других шестидесятников, Андрея Вознесенского и Василия Аксенова¹². Книга Вознесенского, прежде всего, о нем самом, его друзьях, поездках и путешествиях, отношениях с известными людьми эпохи. Аксенов же в своем романе *Таинственная страсть* сосредоточился на творчестве и жизни своих друзей-кумиров шестидесятых – Рождественского, Владимира Высоцкого, Вознесенского, Андрея Тарковского, Евтушенко. Отсюда заглавие его книги *Таинственная страсть*, понимаемое как жажда творчества, которую не в состоянии убить никакой тоталитарный режим. В книге Аксенова Гладилин назван Гладиолусом Подгурским¹³. Многократно появляется и любимое изречение Гладилина, „привычная шутка”, как пишет Аксенов, „...можно и по бабам”¹⁴.

Написанное Аксеновым, Вознесенским и Гладилиным сравнивается, однако стиль и жанр их высказываний совершенно различен. Книга Гладилина, в отличие от аксеновской, тоже мемуарного характера, но с зашифрованными персонажами, это повествование о событиях, свидетелем которых он был, и о людях, с которыми лично общался, называя их. Миф о шестидесятниках Гладилин развенчивает словами:

⁸ Там же, с. 37.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. 38.

¹¹ Там же, с. 46.

¹² А. Вознесенский, *На виртуальном ветру*, Москва 1998; В. Аксенов, *Таинственная страсть, роман о шестидесятниках*, Москва 2009.

¹³ См. В. Аксенов, указ. соч., с. 137 и др.

¹⁴ Там же.

Зависть – плохое чувство [...] но эта зависть закономерна. Нам действительно исключительно повезло. Мы оказались в нужное время в нужном месте. Да наша литературная юность в общем была счастливой. Но все это достигалось колоссальным трудом, массой нервов [...]. Мы не печатались, не пробивались. Каждую книгу надо было пробивать¹⁵.

Хронику времен Виктора Подгурского надо было пробивать, ибо в ней не было речи о великих стройках коммунизма, ни о советском патриотизме. Только благодаря таким цензорам-редакторам, как Валентин Катаев, книга Гладили-на была напечатана в престижной тогда «Юности», тираж которой был свыше 100 тысяч экземпляров, а автору *Хроники времен Виктора Подгурского* исполнился тогда всего лишь 21 год¹⁶.

Гладилилин не пишет в своей книге о явлении самиздата, литературы, распространяющейся вне государственного тиража. Напомним, что сущность самиздата прекрасно выражена в книге Юрия Дружникова *Ангелы на кончике иглы*¹⁷. Гладилилину повезло с *Хроникой*, однако *Бригантина поднимает паруса* была Катаевым отброшена, а в «Советском писателе» ее отрецензировали в форме доноса¹⁸. Стоит отметить, что произведения, прежде чем попадали в руки цензоров, подвергались контролю внутри редакции. У советских цензоров были списки запрещенных тем и сфер общественной жизни. В. Войнович в произведении *Антисоветский Советский Союз* справедливо пишет:

У цензоров Главлита есть длиннейший и с годами удлиняющийся список воинских частей, географических точек, промышленных объектов, стихийных бедствий, катастроф и несчастных случаев, произошедших на территории СССР [...], а также фамилий, которые или вовсе запрещено упоминать в печати, или разрешено упоминать частично, по особому распоряжению партийных или карательных органов¹⁹.

Гладилилин уже на пятом курсе Литинститута получит так называемый в тот период «волчий билет» – характеристику секретаря комитета комсомола. В ней было написано: «Политически неактивен, уваливал от общественной работы, высказывал на семинарах сомнительные идеи...»²⁰. Однако Гладилилин отмечает и хрущевскую оттепель, хотя в ней остались «рецидивы сталинизма». В качестве примера приводит он речь секретаря ЦК ВЛКСМ, товарища Семичастного, сравнивающего Бориса Пастернака со свиньей²¹. С гостевым билетом ему пришлось слушать и «лицезреть вождей», как он пишет.

Стоит обратить внимание на журналистскую деятельность Гладилилина, ибо в ней просвечивается советское, многие элементы советской действительности. В свое время Вольфганг Казак отмечал, что вмешательство советской

¹⁵ А. Г л а д и л и н, указ. соч., с. 68.

¹⁶ Там же, с. 72.

¹⁷ Ю. Д р у ж н и к о в, *Ангелы на кончике иглы*, на сайте: www.druzhnikov.com

¹⁸ А. Г л а д и л и н, указ. соч., с. 76.

¹⁹ В. В о й н о в и ч, *Антисоветский Советский Союз*, на сайте: www.bookz.ru

²⁰ Цит. за: А. Г л а д и л и н, указ. соч., с. 77.

²¹ Там же, с. 81.

цензуры выражалось не только в форме вычеркивания слов, изменения значения отдельных слов или глав, но и вплоть до полного запрета печати (ведь до начала 90-х годов не появилось полное издание сочинений ни одного советского писателя, за исключением Максима Горького и Владимира Маяковского)²². Гладилин, описывая свою должность в качестве завотдела „Московского комсомольца” в 1958 году, вспоминает о рецензии-доносе на свою книгу *Бригантина поднимает паруса*, которая все же печаталась отрывками на половине газетной страницы²³. А о цензуре повести Гладилина *Дым в глаза* сказано так:

Каждая строчка или почти каждая подчеркнута разными цветными карандашами, частокол вопросительных знаков. Не верстка, а абстрактная картина неизвестного художника²⁴.

Но даже Катаев с цензурой не спорил, а сняв из верстки несколько фраз, редактор „Юности” поставил все же *Дым в глаза* в один из номеров и цензура повесть пропустила.

Гладилину везло с цензорами и цензурой, ибо, как пишет Арлен Блюм, иногда „ядро” цензуры вычеркивало вообще имя писателя из литературного и читательского обихода, а такое в 60-е годы с Гладилиным не случилось²⁵. После публикации в „Молодой гвардии” повести *Песни золотого прииска* секретарь ЦК комсомола Лев Карпинский на писательском собрании резко ругал Гладилина за клевету на рабочий класс. Появились и погромные статьи, к примеру, *В плену очернительства* Анатолия Елкина, в которой Гладилина упрекали в искажении жизни рабочего класса²⁶. С этого момента двери журналов и издательств были „наглухо закрыты”. О внутреннем цензоре „Нового мира” (ответственном секретаре Борисе Германовиче Заксе) и его резолюции: „Запад – запад, поиски – поиски, где же находки?” – вспоминает Гладилин в связи со своей повестью *Вечная командировка*, которая была „зарезана”²⁷. Идеологическая чистота журнала – это было главное задание партии. Рафаил Овсепян на одном из интернет-сайтов называет главные черты советской прессы – партийный диктат и использование печатного слова как инструмента политического воздействия на советского человека²⁸. Сказанное подчеркнуто и в исследовании Геннадия Жиркова об истории цензуры в России²⁹.

²² W. K a s a c k, *Leksykon literatury rosyjskiej XX wieku: od początku stulecia do roku 1996*, przekł., oprac., bibliografia polska B. Kodzis, Wrocław 1996, с. 101.

²³ А. Г л а д и л и н, указ. соч., с. 89.

²⁴ Там же, с. 95.

²⁵ А. Б л ю м, *За кулисами „Министерства правды”. Тайная история советской цензуры 1917–1929*, Санкт-Петербург 1994, с. 223–244.

²⁶ А. Г л а д и л и н, указ. соч., с. 98.

²⁷ Там же, с. 100.

²⁸ Р. О в с е п я н, *История новейшей отечественной журналистики*, на сайте: www.gumer.info

²⁹ Г. Ж и р к о в, *История цензуры в России в XIX–XX вв.*, Москва 2001.

Стоит привести в качестве примера случай, о котором пишет Корней Чуковский – девочка Галя назвала Некрасова советским поэтом и далее, узнав, что ошиблась, сказала: „А разве он не советский? Он ведь хороший”³⁰. Синонимы „советский” – „хороший”, а за пределами большого дружного народа и мира существует другой мир, западный – „плохой”. После „дуновения оттепели” Никита Хрущев, отстаивая „принцип партийности” искусства, на выставке в Манеже в 1962 году ругал молодых, а зал, по словам Гладилина, с „ликованием наблюдал публичную порку”³¹. О так называемых „литературных сволочах” у Гладилина мало сказано, „это удовольствие для другой книги”, как он пишет. Однако о Толе Елкине, сочинявшем пакостные рецензии, сказано довольно много:

Ему приказывали ругать – он ругал. Ему приказывали хвалить – хвалил, причем с удовольствием [...] много подобных елкиных работало тогда в журналистике и в литературе³².

Гладилина, как писателя, закрыли в 1966 году, после публикации романа *История одной компании*, в котором, как он сам пишет, не было

[...] никакой антисоветчины, просто прощание с моей молодостью, с моим поколением, которое повзрослело и юношеская романтика, бескорыстие, уступили место приземленным, но более доходным устремлениям³³.

Однако на съезде комсомола книга Гладилина была названа „происком американского империализма”³⁴. В начале 70-х годов вышли две книги Гладилина – *Евангелие от Робеспьера* и *Сны Шлиссельбургской крепости*, а в издательстве „Детская литература” – приключенческая повесть *Секрет Жени Сидорова*. В последней, первоначально названной *Спираль Жени Сидорова*, изменено заглавие, ибо „спираль” почему-то рецензентам ассоциировалась с насмешкой над марксизмом, пародией над Александром Пушкиным³⁵. Убирали все, что могло порочить советское государство. Спустя годы Гладилин во время своего пребывания в Москве рассказывал о том, что в 70-е годы его книги изымались из библиотек и затем уничтожались методом „мелкой резки”. За то, что хотела спрятать книгу *Евангелие от Робеспьера*, была уволена тогда директор ялтинской библиотеки³⁶.

В одном из интервью Гладилин сказал: „Поэтому моих книг в российских библиотеках нет – они все были изъяты и уничтожены, сохранившиеся

³⁰ К. Чуковский, *От двух до пяти*, Москва 1955, с. 112.

³¹ А. Гладилин, указ. соч., с. 104.

³² Цит. по: Ю. Степанов, *Константы: словарь русской культуры*, Москва 2001, с. 456.

³³ А. Гладилин, указ. соч., с. 106.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, с. 134–135.

³⁶ Интервью с А. Гладилиным ведет Вячеслав Прокофьев, на сайте: <http://www.trud.ru/iss-ue/article>

лишь в нескольких спецхранах”³⁷. Еще в 1972 году в издательстве „Посев” во Франкфурте-на-Майне был опубликован гладилинский роман *Прогноз на завтра*. Напомним, что в феврале 1966 года на судебном процессе были осуждены Юлий Даниэль и Абрам Терц (Синявский) за публикацию своих книг на Западе³⁸. Гладилин считает, что суд над Синявским и Даниэлем:

[...] имел [...] нехороший для Софьи Власьевны резонанс [...] наша дамочка изменила тактику и заставляла угрозами и посулами проштрафившихся писателей писать покаянные письма в газеты. Но неблагодарные литераторы продолжали наглеть, публикации на Западе отвергнутых в СССР рукописей участились, а сами авторы посылали в газеты отписки – дескать, сожалею, что моя незавершенная и недоработанная книга издана без моего решения³⁹.

Однако Гладилин, забегаая вперед, скажет: „Действенность книги в России и на Западе несоизмерима”. Тем самым он считает, что лучше было все же издавать книгу в СССР, ибо она получала другой отзвук⁴⁰. Гладилину везло на редакторов, правда они, как он пишет, „корежили книги”, но для добра. Так продолжалось 20 лет, не было уже интересных зарубежных и исторических персонажей. Как известно, их утверждал ЦК КПСС. Так завершились „дела давно ушедших дней” Софьи Власьевны А. Гладилина.

Надо отметить, что Гладилин повествует о явлениях 50–60-х и начала 70-х годов, повседневной литературной и общественно-политической жизни, но прежде всего, как он пишет, „о себе, любимом”. О цензорах, кэгэбэшниках, секретарях комсомола, партийной номенклатуре Софьи Власьевны, негласной табели о рангах в писательском мире, он пишет открыто, но без особой злостности, как внимательный наблюдатель, имея в виду замечания и собственную оценку господствующей тирании, раскрывая тем самым функционирование цензуры в советском режиме, основанном на убеждении, что человек зависит от государства и системы. Но Гладилин в ней не перестает быть самостоятельной личностью, он не является лишь предметом в руках Софьи Власьевны, у него собственная воля, в нем нет сервильности и страха. Он не боится признаться:

Я был типичным шестидесятником, то есть искренне верил в светлое будущее. В том смысле, что рано или поздно, попортив нам, конечно, крови, старые пердуны исчезнут, а наше поколение, придя к власти, все построит по-другому. Словом, мерещился некий социализм с человеческим лицом, хотя до этого термина никто тогда не додумался⁴¹.

³⁷ Там же.

³⁸ См. *Цена метафоры – или преступление Синявского и Даниэля*, сост. Е. Великанова, ред. Л. Еремина, Москва 1989; A. W o ź n i a k, *Uluda i cud. W świecie sztuki Andrieja Siniaiewskiego – Abrama Terca*, Lublin 2004.

³⁹ А. Г л а д и л и н, указ. соч., с. 137.

⁴⁰ Там же, с. 139.

⁴¹ Там же, с. 85.

Спустя годы в одном из интервью он в укор молодому нынешнему поколению защищает своих друзей-шестидесятников, особенно тех, кто не может себя защитить – ушедших⁴². Кстати, Гладиллин многих в своей книге берет под защиту – Катаева, которого он считает „чудом уцелевшим осколком иной эпохи, со своей системой ценностей”, Илью Эренбурга – „человека высокой европейской культуры”, Андрея Сахарова, „учившего подлинному демократизму”, Александра Галича „с божественным даром великого артиста, певца, поэта”, Виктора Некрасова, Мстислава Ростроповича, Григория Горина, Гену Шпаликова и многих более и менее знаменитых, имена которых можно перечислять долго.

„Дела давно ушедших дней...” в книге Гладиллина выражены ярко, лично, эмоционально с воспроизведением всей атмосферы 60-х. Но если цели соцреализма и Софьи Власьевны (как называет советскую власть Гладиллин) – это нечто возвышенное, прекрасное, должное, то это отнюдь не обозначает правдивого, конкретно-исторического воспроизведения действительности. В свое время Терц-Синявский в работах *Что такое социалистический реализм* (1956) и *Советская цивилизация* (1988) исследовал внутреннюю противоречивость соцреализма, входя в спор между его хвалителями и разоблачителями. Он пришел к выводу, что ценность соцреализма в отходе от действительности и создании своеобразной системы знаков, которые использует художник, выигрывая на их пустоте и некой бессмыслице⁴³. Михаил Эпштейн считает, что „большевики победили... потому что нашли выигрышные слова, архетипически убедительные для массового сознания”: „советы”, „чека”, „большевизм”⁴⁴.

Гладиллин хоть и критически относился к советским источникам информации и ко многим событиям и общественным идеям 60-х (все-таки стал диссидентом и покинул свою Софью Власьевну), однако он высоко оценивает творчество своих собратьев по перу, среди которых, как он пишет,

[...] главенствовал дух товарищества, и друг другу мы не скупались говорить хорошие слова: „старичок, ты написал прекрасный рассказ”, „старик, твои последние стихи гениальны”. Наверно это не соответствовало истине, но говорилось искренне. Мы действительно гордились друг другом⁴⁵.

И хотя безусловной была зависимость творца от эпохи, шестидесятники, как вытекает из воспоминаний Гладиллина, сохранили свой стиль и сумели по-своему постигнуть дух современности и дела ушедших дней. И несмотря на то, что их книги были изъяты из библиотек, имена часто вычеркнуты из исто-

⁴² Интервью Вячеслава Прокофьева, на сайте: <http://www.trud.tu> (05.12.2011).

⁴³ А. Г е р ц, *Что такое социалистический реализм?*, „Литературное обозрение” 1989, № 8, с. 88–101.

⁴⁴ М. Э п ш т е й н, *Модерн в русской литературе*, Москва 2005, с. 331.

⁴⁵ А. Г л а д и л и н, указ. соч., с. 175.

рии советской литературы, а в газетах мелькало „клеветник”, „изменник” и не было надежды на возвращение книг на родину, благодаря шестидесятникам открылось яркое изощренное полемическое искусство, которое не только пережило свою эпоху, но и оказало влияние на советское общество. Недаром Петр Вайль и Александр Генис в своем глубоком исследовании о мире советского человека констатируют:

[...] „шестидесятники” не окали и не акали, а объяснялись на усредненном говоре, восходящем если не к Хемингуэю, то к Гладилину, который господствовал в жизни и в литературе⁴⁶.

⁴⁶ См. П. В а й л ь, А. Г е н и с, указ. соч., с. 770.